

Анатолий Горбатюк

Трубач с Садовой

Я начинаю рассказ об Аркадии Астафьеве, дружба с которым началась в конце 50-х годов ушедшего столетия. При этом иногда мы ссорились, но отношения наши не прерывались – просто возникала пауза, по времени, как правило, совсем не значительная, и все продолжалось, будто бы и не было никакой паузы. Короче говоря, нормальная мужская дружба. Сразу хочу подчеркнуть: Астафьев был человеком неординарным, и дело не только в его потрясающем музыкальном таланте. Он был дерзок и смел, достаточно начитан и чрезвычайно остроумен, мог выпить невероятное количество любого спиртного и оставаться трезвым (по крайней мере, для окружающих)... И главное: он никак не заслужил такого ухода в лучший, как уверяют нас оптимисты, мир – в полной изоляции приюта навсегда оставшейся для него чужой страны. Впрочем, давайте обо всем по порядку...

Детство и отрочество

Первые послевоенные годы... Повсюду зияющие развалины – результаты интенсивных бомбежек и артобстрелов Одессы в период ее 73-дневной героической обороны 1941 года. Семья поселяется в подвальном помещении огромного жилого дома в самом центре города – Садовая, 16. Начинается жесточайшая – не на жизнь, а на смерть – борьба с полчищами крыс, которые считают себя полноправными хозяевами подвала и не собираются уступать его двуногим пришельцам. Семья – это бабушка, мама и двое детей: Жанне в год окончания войны исполнилось восемь, Аркадий – на два года

младше. Отец не вернулся с фронта, все лежит на плечах мамы, работавшей, как казалось, круглые сутки, чтобы прокормить семью. Это была замечательная женщина, Мария Самойловна Меламуд (мы ее называли «тетя Маша») – заботливая, чрезвычайно гостеприимная, одаривающая нас доброй улыбкой через толстые линзы очков. Зрение у нее было ужасное, из-за чего тетя Маша, неизменно тащившая на себе огромные сумки, часто падала...

Аркадий рос хулиганистым пацаном, большую часть времени проводившим в развалинах почтамта – в нескольких десятках метров от своего дома. А кто мог заниматься его воспитанием? Подслеповатая, плохо слышавшая бабушка? Или, может быть, сестра – вся в маму, такая же добрая, как и мама, баловавшая брата-сорванца? А мама, как вы уже знаете, постоянно на работе, да еще и с частыми командировками (она трудилась экспедитором в какой-то «шарашкиной конторе») ... Вот и рос наш юный герой сорвиголовой и первым драчуном в районе – от Соборки* до Нового рынка... Как вспоминает Феликс Давидович Кохрихт, известный одесский журналист и телеведущий, ему «посчастливилось» оказаться с Аркадием в одном классе. Впоследствии Кохрихт и Астафьев были в приятельских отношениях: еще бы, Феликс – большой любитель и тонкий знаток джаза, но тогда... Легко себе представить, какие эмоции вызывал у нашего героя интеллигентный еврейский мальчик с кудрявой головой, да еще играющий на виолончели. Бедный Феликс...

Однажды случилась беда. Прямо скажем – несчастье: во время одной из игр в «развалке» – то ли в казака-разбойника, то ли в фашистов и «наших» – Аркаше в глаз ткнули палкой. Нечаянно, конечно. Его, окровавленного, под вопли обезумевшей бабушки принесли в подвал. Вызвали с работы маму, которая примчалась немедленно и сразу же повезла сына в самую знаменитую не только в Одессе, но и во всем Советском Союзе офтальмологическую клинику, раскинувшуюся на Пролетарском (ныне вновь Французском) бульваре. Повезло: прием проводил лично Он – светило мирового масштаба. (Всю эту трагическую историю мне поведал однажды непосредственно Аркадий, ее мельчайшие подробности я запомнил на всю жизнь.) Закончив осмотр пациента,

* Соборная площадь, в описываемое время – площадь Советской армии.

знаменитость вышла к ожидавшей в приемной маме и произнесла приговор: «Есть возможность глаз спасти, для чего необходимо провести чрезвычайно сложную и дорогостоящую операцию. Она стоит сорок тысяч рублей. Только вам следует поторопиться: в вашем распоряжении – не боле четырех часов, потом наступят необратимые процессы»...

Чтобы было понятно, что такое в те годы сорок тысяч рублей, приведу один пример: в огромной витрине автомагазина на улице Советской армии (ныне Преображенская) стоял красавец экстра-класса «ЗИМ» стоимостью семнадцать тысяч, но его не покупали: такие деньги у народа попросту не водились. А тут – сорок тысяч... Мама бросается на поиски этой невероятной суммы. Оббегала всех родственников и знакомых, отнесла в скупку несколько имевшихся у нее ценных вещей (обручальное кольцо, браслетик с камушками, что-то еще...). Получилось много – восемнадцать тысяч. А нужно сорок! Принесла она эти восемнадцать тысяч, умоляла академика, как только может умолять любящая мать... В ответ услышала: «За эти деньги я только могу сделать хороший протез»...

С тех пор и до конца своих дней ходил Аркадий с хорошим глазным протезом, настолько хорошим, что многие и не замечали отсутствия у него глаза. Только характер и повадки Аркадия ничуть не изменились: очень быстро адаптировавшись с измененным взглядом на окружающее пространство, он остается таким же дерзким, таким же свободолюбивым и безрассудно храбрым. Правда, много читал, опять же, благодаря маме, которая из командировок всегда привозила книги. В общем, трудно сказать, какой личностью бы состоялся наш герой, но тут взяла слово Ее Величество Музыка.

А.И. Янус

...Взяла слово Ее Величество Музыка в лице известного в Одессе 1930-1970-х годов капельмейстера, проще говоря – дирижера-духовика Андрея Ивановича Януса (... мая 1889 – 21 июня 1976). Поскольку этот человек сыграл весьма значительную роль в сложной судьбе нашего героя, считаем необходимым хоть немного рассказать о нем.

А.И. Янус. 1916 г.

...Как все «канавские» мальчишки, в далеком детстве мы стремглав мчались на звуки маршировавшего впереди колонны курсантов среднего мореходного училища оркестра, два раза в день – до и после занятий – проходившего мимо нашего дома в начале Канатной. Впереди оркестра вышагивал, величественно дирижируя, статный пожилой красавец. Его руки, одетые в ослепительно белые перчатки, завораживали не только идущих за ним строем музыкантов, но и мгновенно собиравшиеся толпы зевак. Он достаточно заметно прихрамывал, но это никак не убавляло царственности его походки.

Детство очень давно закончилось, но любовь к оркестровой духовой музыке сохранилось навсегда. Безусловно, главную роль в этом постоянстве сыграл именно он, Янус, – тот самый дирижер в белых перчатках из послевоенного детства. Между прочим, с ним в первые послевоенные годы произошла трагикомическая история, каким-то чудом оставшаяся для него без последствий. Ее поведал мне мой друг Николай Голощапов, сразу предупредивший, что это может наполовину оказаться очередным одесским мифом. Как бы там ни было, я с удовольствием перескажу его рассказ.

...Когда до приезда в послевоенную Одессу партийно-правительственной делегации ставшей дружеской для нас Румынии*

* Монархическая Румыния в прошедшей войне входила в число союзников гитлеровской Германии и принесла оккупированной ее войсками Одессе неисчислимые страдания. В конце войны, когда участь гитлеровской коалиции

А.И. Янус. 1973 г.

оставалось несколько дней, дирижер гарнизонного духового оркестра впал в отчаяние, и его можно было понять. При торжественной встрече высоких гостей следовало играть гимны СССР и Румынии. С нашим гимном проблем не было, а где достать ноты румынского гимна? Вот дирижеру и подсказали – только Янус может помочь, а если у него не окажется этих нот, значит, их нет в Одессе ни у кого. Вот и отправился наш майор с визитом к Янусу.

Андрей Иванович встретил неожиданного гостя приветливо, предложил коньяк и поинтересовался целью визита.

– Выручайте, коллега! – сразу приступил к делу дирижер гарнизонного оркестра. – На вас вся надежда...

была практически решена, Румыния повернула свои штыки против Гитлера, за что ее король Михай даже был награжден высшим советским военным орденом Победы.

– А в чем, собственно, проблема? – прихлебнув коньяк, удивился хозяин. – Да вы успокойтесь, если что-то зависит от меня – обязательно помогу.

– Мне позарез нужен гимн Румынии! – нервно выпалил майор.

– И это все? – еще больше удивился Янус. – Из-за этого на вас лица нет, и вы на моих глазах повышаете себе кровяное давление?

– Да знаете ли вы, что со мной сделают, если мы не сможем через три дня сыграть этот проклятый гимн?! Так он у вас есть?

– Молодой человек, успокойтесь и запомните: вы обратились к старому капельмейстеру, у которого есть все гимны – хоть Румынии, хоть Парагвая, хоть...

– Не нужно Парагвая, только Румынии! – у майора с сердца свалился огромный камень.

– Румынии – так Румынии, – Янус несколько вальяжно развалился в кресле. – Давайте выпьем по рюмочке за знакомство, и вы получите необходимые вам ноты. Только, пожалуйста, с возвратом: они у меня в одном экземпляре...

– Коллега, о чем вы говорите! – вскричал счастливый дирижер гарнизонного оркестра. – Завтра к полудню ноты будут у вас.

Выпили – за знакомство, за будущее сотрудничество, за отсутствующих дам (имелись в виду жены), потом еще за что-то... Наконец хозяин квартиры поднял из кресла грузное тело и направился в кабинет, откуда вскоре вышел, держа перед собой взятый в колленкор довольно объемный том.

– Вот они, родимые, – все как один, можете полюбопытствовать, – с улыбкой произнес Янус, но, увидев в глазах гостя явное нетерпение, добавил: – Ладно, начнем с Румынии. Где она у нас... Перу... Португалия... Реюньон... О, вот и ваша Румыния, будьте любезны...

Долго прощались в дверях, майор не знал, как благодарить своего спасителя, обещал щедрый магарыч и, совершенно счастливый, отправился переписывать партитуру.

Через несколько дней прилетела румынская делегация, и точно в нужный момент гарнизонный оркестр, облаченный в парадную форму, сыграл для нее гимн... Только, вот незадача: наблюдавший краем глаза во время исполнения гимна за лицами гостей

Одесские дирижеры духовых оркестров. 1950-е гг. Третий слева в первом ряду – А.И. Янус

наш дирижер, в надежде обнаружить на них приятное удивление, видит совсем иную реакцию. Румыны начинают переглядываться и шушукаться, что, кстати, не осталось незамеченным чуткими ребятами в штатском. Вскоре все выяснилось: к вящему ужасу дирижера гарнизонного оркестра, одетого в парадную форму, его подопечные сыграли гимн... фашистской Румынии времен Антонеску, а не гимн Социалистической Республики Румыния! Стоит ли говорить, что никакого магарыча Андрей Иванович Янус не дождался?

А с другой стороны, при чем здесь Янус? Пожилой капельмейстер, никогда не интересовавшийся политикой, каким-то образом должен был догадаться, что в Румынии поменялся гимн? И вообще, вопрос был поставлен как – есть гимн Румынии? Да, есть, и именно его, а не какой-нибудь Монголии или другой Гватемалы, и дал Янус перепуганному майору. А вот дирижер гарнизонного оркестра как человек военный и обязательно партийный должен был разбираться в подобных тонкостях...

...Сегодня уже не восстановить те события начала 1950-х, которые привели юного Аркадия к легендарному капельмейстеру, но такая встреча состоялась. Более того, Януса, повидавшего на своем продолжительном веку достаточно много и талантливых самородков, и тупых бездарей, крайне заинтересовали выдающиеся, прямо скажем, способности этого коренастого паренька, помноженные на прекрасные физические данные. Заинтересовали настолько, что Аркадию было не только разрешено присутствовать на репетициях духового оркестра мореходного училища, но и – через некоторое время – занять место среди оркестрантов со старенькой трубой, врученной ему самим Янусом. Как вспоминали впоследствии коллеги последнего, тот откровенно гордился новым учеником: «Он скоро даст фору всем одесским трубачам, и при этом будет пить водку не хуже меня!..». Как в воду глядел знаменитый капельмейстер...

Джаз навсегда

Аркадий с радостью окунулся в совершенно новую для него атмосферу, стремительно осваивая все премудрости нотной науки. Более того, обладая великолепной памятью, он очень скоро выучил наизусть партию первой трубы десятка полутора маршей и других произведений из репертуара духового оркестра. Проходит еще немного времени, и 15-летний Аркаша начинает с помощью музыки зарабатывать деньги...

В те уже далекие времена каждое мало-мальски значительное предприятие имело собственный духовой оркестр, который шел впереди праздничной колонны на майских и октябрьских демонстрациях трудящихся, а также участвовал во всех праздничных мероприятиях местного масштаба (вечерах отдыха и др.). Организации поскромнее, не имея возможности содержать постоянно оркестр, с помощью профсоюзного комитета набирали музыкантов, так сказать, разово, и сразу же производили оплату. Легко освоив эту нехитрую систему случайных заработков, наш герой постоянно с гордостью приносил маме заработанные собственным трудом деньги.

А на поддержание имиджа хулигана и первого драчуна времени оставалось все меньше...

И здесь приходит увлечение джазом – буквально бальзам на бунтарскую душу Астафьева. Вот где, оказывается, можно вдоволь похулиганить с помощью трубы, тем более что исполнительский аппарат (то есть дыхательная система, артикуляционные органы – губы, язык, нижняя челюсть, гортань – и пальцы) начинающего трубача как будто создан для этого. А еще и великолепный слух! В лексиконе появляется новое слово – *импровизация*, основа основ джазовой музыки. Только вот что-то не складывается: трубные экзерсисы Аркадия не воспринимаются серьезными джазменами, те морщатся, а иногда и демонстративно затыкают уши пальцами. Оказывается, без знания гармонии импровизировать невозможно. Спасибо Янусу, заставлявшему его играть гаммы и запоминать, сколько диезов и бемолей в каждой из них...

Аркадий постоянно слушает старенький «Рекорд», настроенный на короткие волны, чтобы через треск гебевских глушилок уловить волшебный для миллионов любителей джаза голос Уиллиса Коновера* с его программами «*Jazz Hour*» и (с 1955 года) «*Music USA*». С творчеством каких великолепных трубачей он познакомился тогда! Их имена и сегодня вызывают трепет и почитание: Диззи Гиллеспи, Майлз Дейвис, Луи Армстронг, Клиффорд Браун, Чет Бейкер, Кларк Терри, Мейнард Фергюсон, Нат Еддерли, Гарри Джеймс, Эдди Рознер, в конце концов...

Когда Аркадия не стало, в потоке вылившихся в Интернет соболезнований я обратил внимание на высказывание о нем известного в прошлом одесского музыканта, джазового барабанщика Джорджа Гелмиса: «Одесский Фергюсон». Сравнение, безусловно, достойное ушедшего, но я бы назвал Аркадия: «Наш Луи Армстронг», – потому что Астафьев поклонялся именно этому великому музыканту, филигранно копируя его музыкальные фразы, но при этом явно слышалась самобытная манера самого Аркадия...

...Взахлеб слушая «вражеское радио», он при этом не пропускает ни одного приезда гастрольных джазовых коллективов, постоянно участвуя в джем-сейшн. Лет в шестнадцать Аркадий

* Уиллис Кларк Коновер (младший) – американский джазовый продюсер и радиоведущий на радио «Голос Америки».

часто присутствует на репетициях институтских оркестров, в первую очередь – Водного института, которым руководил Евгений Болотинский, ставший для Аркадия вторым (после Януса) музыкальным и духовным наставником. С огромным сожалением не могу не заметить: как жаль, что Астафьев не всегда прислушивался к советам Евгения Наумовича... Пишу эти строки 30 ноября 2017 года – на сороковины Аркаши. Может быть, он уже встретился с Болотинским и еще со многими, многими друзьями-музыкантами?..

В те далекие уже времена – вторую половину 1950-х – Астафьев, как губка, впитывает все лучшее из деятельности местных трубачей – Эдика Мурадяна, Виктора Грицаева, Якова Вайнштока... Особое его внимание привлекала манера приехавшего в Одессу с осколками развалившегося «Зеленого джаза» под управлением Александра Горбатых прекрасного трубача, тонкого импровизатора Владимира Черепанова. И Грицаев, и Вайншток, и Черепанов не слишком долго задержались в Одессе и уехали в ведущие столичные коллективы, где успешно проявили себя. Астафьев, на глазах превращаясь в классного востребованного музыканта, имел все основания последовать их примеру, более того, неоднократно получал вызовы, но из Одессы выезжать не желал. Ну, разве что на непродолжительные гастрольные поездки с концертными бригадами. Для свободолобивой натуры нашего героя этот вариант казался предпочтительнее, да и денег в бригадах зарабатывали значительно больше, что для Астафьева было немаловажно: ему нравилось *жить на широкую ногу*...

Концертные бригады. Возвращение

Следует заметить: музыканты бережливые после нескольких поездок в составе гастролирующих бригад, если только не были горькими пьяницами, становились людьми весьма состоятельными (первый признак состоятельности в те времена – покупка собственного авто). Они только недоуменно пожимали плечами, наблюдая, как безжалостно расправляется наш герой с таким трудом заработанными «башлями»**.

** «Башли» – деньги (муз. сленг).

Аркадий Астафьев с Олегом Золоевым. 2012 год

Действительно, в гастролирующих бригадах условия деятельности были крайне сложными: на доживающем свой век тарахтящем автобусе, да еще по нашим знаменитым дорогам-направлениям добиралась бригада до очередного забытого Богом поселения. Заведующий клубом снимал с дверей амбарный замок, и артисты забирались на сцену. Какие там комнаты отдыха, гримерки – прячась за жиденькую кулису и приводи себя в порядок. Публика в зале – пьяные мужики, лузгающие семечки принарядившиеся по такому поводу женщины и невероятно неусидчивые дети разных возрастов. Главное – не вступая в конфликт с не всегда благодарными слушателями, быстренько провести концерт, пожелать труженикам полей новых трудовых побед, влезть в автобус – и на новую «точку»...

Таких «точек» при опытном администраторе в день могло быть две, а иногда и три. На музыкальном сленге такая активная

деятельность называлась «чѐс». На ночлег размещались в каком-нибудь Доме колхозника, завтрак – и снова в автобус... Далеко не все выдерживали такой стремительный режим. Аркадий выдерживал, более того, у него появился дополнительный и весьма ощутимый приработок благодаря раскрывшемуся еще одному таланту: он оказался прирожденным игроком – в карты, домино, нарды... Иногда задерживали выдачу суточных, и тогда «гастролеры» обращались к Астафьеву, у которого всегда можно было взять в долг.

Аркадий, как правило, становился душой коллектива, несмотря на молодость, с его мнением считались. Также ценили и его остроумие, которое стремительно развивалось параллельно с музыкальными успехами. Небольшая иллюстрация к сказанному.

...Знойным июльским днем в очередной раз забарахлил автобус. Пока водитель, чертыхаясь, колдовал над двигателем, артисты расположились в тени нескольких чахлых деревьев на берегу небольшой речушки, сразу же получившей название Вонючка – как все подобные малопривлекательные загрязненные водные потоки.

– Кто хочет выкупаться? – под общий смех спросил Аркадий. – Никто не желает освежиться? Плачу пятерочку тому, кто переплывет Вонючку.

Народ оживился: за пять рублей можно купить бутылку водки, да и на закуску останется...

– Я могу! – первым поднялся контрабасист. – Только бабки вперед.

– Согласен, – откликнулся Аркадий, – но при условии: в концертной форме и с инструментом.

Любитель легкого заработка на миг задумался, потом молча кивнул и пошел в автобус переодеваться. Вскоре он появился – в ярких полосатых концертных брюках, пиджаке в блестках и галстук-бабочке, держа перед собой контрабас. Под общий хохот, брезгливо морщась, он вошел в воду и, толкая перед собой инструмент, переплыл Вонючку. А что там плыть? От берега до берега – метров двадцать, не больше. Вышел пловец на противоположный берег и кричит оттуда:

– Аркадий, прибавь еще пятерочку, и я точно так же переплыву Вонючку обратно.

– Это необязательно, – не задумываясь, отвечает Аркадий, – можешь оставаться там, где стоишь...

Пришлось повторный заплыв в Вонючке выполнить, так сказать, за свой счет...

...В Одессе возвращения Аркадия из таких гастрольных поездок с нетерпением ожидало огромное количество друзей. Еще бы: они знали, что сейчас начнется! И таки да – начиналось... Первые гости в подвале на Садовой, 16, появлялись где-то к полудню: музыканты, как известно, любят поспать. К этому времени усилиями тети Маши и Жанны стол уже был накрыт, и какой стол – с участием всех одесских деликатесов!

...В центре его, на самом почетном месте, стоит блюдо с только что пожаренными бычками. Рядом на чугунной подставке устроилась огромная алюминиевая кастрюля, из-под крышки которой пробивается ароматный парок, благодаря которому вы безошибочно отгадываете, что в кастрюле – целиком отваренная рассыпчатая картошка, густо посыпанная укропом и сдобренная изрядной порцией крестьянского желтоватого масла. В глубокой тарелке в обрамлении веточек петрушки отливает матовым блеском икра из «синеньких», конечно же, и близко ничего общего не имеющая с консервированной баклажанной икрой. Рядом в вазочке покоится самый вкусный в мире форшмак из нескольких жирных селедочек, чьи упругие молоки, посыпанные мелко-мелко нарезанным зеленым луком, лежат тут же, декорированные чуть сморщенными греческими маслинами. Рядом в глубоком блюде плавают в кислом соусе кильки, а по соседству – те же кильки, но уже в виде котлет. На большом блюде мирно соседствуют крупно нарезанная ароматная кровяная колбаса и не менее ароматная овечья брынза, выбирала которую лично хозяйка, для чего дважды обошла весь молочный корпус Привоза, очень тщательно пробуя указанный продукт у доброго десятка бабушек-торговок. По краям стола стоят еще две вместительные вазы с разрезанными пополам знаменитыми одесскими степными помидорами, огурчиками и сладкими красными перцами. Масло, только что вынутое из холодильника и наструганное на терке, лежит в нескольких местах рядом с ломтями свежего хлеба. Вроде бы всё? А, вот еще: в трехлитровой

Слева направо: Олег Золоев, Николай Голощапов, Аркадий Астафьев, Анатолий Горбатюк, Анатолий Кравченко. 2006 год

бутыли в особо приготовленном рассоле плавают листья салата – лучшая в мире закуска под водку. Водка – «Столичная», высшего качества, в запотевших бутылках, расположилась на отдельном столике в соседстве с армянским коньяком и легким вином «Ркацители»... Вот теперь – все!

А гости прибывают, и каждому находится место за столом. Они начинают, глотая слюну, накладывать в тарелки всю эту вкуснятину, но их останавливает окрик тети Маши, появившейся в дверях с огромной суповой вазой, распространяющей неповторимый аромат:

– Ребятки, остановитесь! Сначала – по тарелочке ухи!..

Ах, эта замечательная легкая уха из свежих бычков, заправленная красным перцем и посыпанная укропом, перед которой любые стерляжки и прочие белужьи супы должны побледнеть и срочно уйти в тень!..

Тосты звучат один за другим – за Аркашу, за кудесницу маму, за Жанну, опять за Аркашу... Судя по количеству пустых бутылок, выпито много, можно даже сказать – очень много, но пьяных нет: попробуй опьянеть с такой едой!..

Завтрак, плавно перешедший в обед, закончен. Гости благодарят хозяек и расходятся, а кто-то устраивается подремать на широкой тахте пару часиков, чтобы к ужину быть как огурчик... Да, к ужину, который Аркадий устраивает в одном из ресторанов, чаще всего – в «Красном»... И в таком режиме – завтра, послезавтра... Словом, пока не закончатся гастрольные бабки. Вот такая была широкая натура у нашего героя...

Находясь в Одессе, Аркадий работает в ресторанах с лучшими оркестрами: любой коллектив считал за честь сотрудничать с этим замечательным трубачом. Да и не секрет, что многие за-всегдаги ресторанов шли «на Астафьева», потому что заинтересо-ванность была взаимная.

Одесские будни

...Трижды Аркадий «становился под знамена» Евгения Нау-мовича Болотинского: первый раз – в 1958 году при создании знаменитого молодежного симфоджаза (этим оркестром в тес-ном содружестве с театром «Парнас-2» были поставлены две пре-красные концертные программы: «У самого синего моря» и «Как пройти на Дерибасовскую»); второй раз – в 1967 году, когда Болотинского, уже работавшего в Ленинграде, пригласили возглавить филармонический биг-бэнд (тогда получило широкое признание эстрадное шоу «Гамбринус-67»); и в третий раз – в 1995 году при создании достойной музыкальной Одессы джаз-оркестра «Пульсар». К огромному сожалению, из-за отсутствия средств в фи-лармонии и у местных меценатов «Пульсар» через полтора года с начала творческой деятельности прекратил свое существова-ние, успев показать две замечательные программы: «В гостях у Гленна Миллера» и «Отражение». Отзывы прессы были самыми лестными. Более того, оркестр приглашается в Киев на фондовую запись для Украинского радио, но... Кто придумал эти проклятые деньги?.. Не могу не вспомнить, что в «Пульсаре» Астафьев вы-ступал с блестящими соло.

Хочется рассказать более подробно о работе нашего героя в программе «Гамбринус-67». Тогда для усиления состава оркестра

Евгений Наумович Болотинский привез с собой группу ведущих ленинградских джазменов во главе с Давидом Голощекиным. Кстати, с одним из них, прекрасным саксофонистом Михаилом Костюшкиным, я сдружился, даже был свидетелем на его свадьбе с одесской красавицей Надей Коваленко. Брак, к сожалению, был недолгим – но качественным. Помните вокальный дуэт «Чай вдвоем»? Вот Стас Костюшкин – их сын... Но вернемся к «ленинградской группе». Ребята оказались весьма заносчивыми (вначале, по крайней мере), на местных музыкантов смотрели свысока, правда, не на всех: к Астафьеву у них сложилось особое отношение, некая зависть, замешанная на остром чувстве несправедливости. «Что же это получается? – возмущенно жаловались они друг другу. – Целый день не выпускаешь инструмент из рук, гаммы гоняешь... А этот – даже не раздувается перед работой, вынимает из футляра свою со всех сторон заклеенную изолентой трубу и играет как бог!..»

Со временем ленинградцы с такой «несправедливостью» смирились, а после нескольких посещений подвала на Садовой, 16, во время репетиционного периода в Одессе – и вовсе полюбили и Аркадия, и тетю Машу, и этот замечательный подвал...

Работа в ресторанных оркестрах была далеко не легким промыслом, и дело не только в многочасовом изнурительном труде: рестораны регулярно посещали местные мафиози, особое внимание уделявшие музыкантам. Попробуй не сыгрой сразу же по желанию какого-нибудь разбойника «Мясоедовскую» – скандал с угрозой насилия, а эти угрозы зачастую исполнялись. И здесь присутствие в составе оркестра Астафьева было значительной страховкой безопасности музыкантов: бандиты его уважали не только за виртуозную игру, но и за умение в экстремальной ситуации дать отпор...

...В ресторане «Море» оркестр, в котором я играл с моим другом, инженером и замечательным гитаристом Толей Кравченко (к сожалению, уже покойным), заканчивал работу в 23:30, и периодически, наспех сложив инструменты, мы устремлялись в ресторан «Киев», оркестр которого – главное действующее лицо варьете – играл до половины первого. Здесь нас кроме Аркадия ожидали друзья, прекрасные музыканты Костя Швуим,

Жора Гелмис, Миша Шпрехер (к сожалению, скончавшийся в США несколько лет назад)... Руководил варьете прекрасный человек, еще до второй мировой войны – эстрадный куплетист, потерявший в войну глаз, Генрих Григорьевич Пинский. Устраиваясь на работу в варьете, Аркадий именно ему предложил переговорить *с глазу на глаз*...

Посидели за накрытым столом, выпили, закусили, побалагурили. Все, время – далеко за полночь, «программа» выполнена, пора бы и по домам... Как бы не так: мы отправляемся... в аэропорт! «Зачем?» – спросит любой нормальный человек. Ответ прост: выпить шампанского. «А в ресторане, где вы только что сидели, шампанское закончилось?» – продолжает приставать тот же нормальный. Нет, конечно, просто компания, ведомая неутомимым Астафьевым, пожелала сменить обстановку. Выпив шампанского, мы возвращаемся в город. Но на этом встреча не заканчивается. «Навестим моего коллегу?» – задает риторический вопрос Аркадий. Все понимающе кивают головами.

Мы останавливаемся возле одной из хрущевок на Черемушках, в которой сладко посапывает во сне джазовый трубач Гриша Казавчинский (ныне мистер Грегори Кэй). Он тоже играл в ресторане «Море», но по окончании работы не поехал с нами в «Киев». Гриша как «законопослушный» муж отправился домой на собственном «горбатом» «запорожце», который припарковал под окнами. Как всегда, мы не стали будить Гришу, а, поднатужившись, подняли «запорожец» и буквально втиснули его в пространство между находящимися рядом двумя деревьями, расстояние между которыми в точности соответствовало длине Гришиной машины. Вот теперь – всё! *С чувством глубокого удовлетворения* мы разъезжаемся по домам. Хуже всех, конечно, Толе Кравченко и мне: остальные участники «культпохода» в аэропорт будут спать до полудня, а нам без четверти восемь необходимо быть на рабочих местах в порту. Но нас согревает мысль о том, что вечером с серьезными физиономиями мы будем слушать причитания Гриши по поводу действий «каких-то сволочей», с помощью автокрана в очередной раз переставивших его машину...

В упомянутом ресторане «Море» некоторое время играл и Астафьев. Вспоминается смешной эпизод, когда к оркестру

с «заказами», которые принимал Аркадий, одновременно подошло несколько человек. Астафьев берет у клиента, пожелавшего услышать в нашем исполнении запрещенные музыкальными властями «Семь-сорок», деньги и видит, что стоявший за ним очередной любитель музыки поворачивается, собираясь отойти. «Что вы хотели?» – обращается к нему Астафьев и слышит в ответ: «Уже ничего: я хотел заказать «Семь-сорок», но передо мной это уже заказали». «Послушайте, – доверительно берет его за пуговицу пиджака Аркадий, – давайте деньги, и мы будем это замечательное произведение играть исключительно для вас!»...

Кстати, в этом же ресторане наш герой отправил в глубокий нокаут наглеца лейтенанта, весь вечер отравлявшего атмосферу в зале пьяными приставами к посетителям. Как выяснилось, поверженный лейтенант был мастером спорта СССР по боксу...

На финишной прямой

...Ярким запоминающимся событием в музыкальной жизни Одессы стал театрализованный «Парад трубачей» в честь 60-летия Аркадия Астафьева, в котором вместе с юбиларом приняли участие Вячеслав Ширяев, Владимир Вакулович, другие известные трубачи. Этот истинный праздник музыки состоялся усилиями молодежного биг-бенда под управлением Николая Яковлевича Голощапова при активной поддержке начальника порта Южный Владимира Григорьевича Иванова, в прошлом – саксофониста, игравшего с Аркадием в симфоническом оркестре Евгения Наумовича Болотинского. Переполненный зал Дворца моряков с восторгом приветствовал «Золотую трубу Одессы» – Аркадия Астафьева...

В следующем, 2000-м году состоялся «заключительный аккорд» в творчестве нашего героя: он блестяще сыграл сольные партии в сложнейшем «Духовном концерте» Дюка Эллингтона, поставленном неутомимым Николаем Голощаповым.

Потом все пошло не так. Могучий организм Астафьева начал давать серьезные сбои, пришлось оставить любимый инструмент, а вскоре Аркадий вынужден был отправиться как эмигрант

Слева направо: Аркадий Астафьев, Юрий Кузнецов, Николай Голощанов. 2004 год

в Германию. Я написал тогда (это был 2002 год): «...Самая ошущимая, на мой взгляд, потеря для Одессы за последнее время – Аркадий Астафьев, уникальный музыкант, безукоризненно владеющий инструментом, способный один украсить выступление даже самого заурядного оркестра. Два года назад Одесса чествовала своего выдающегося трубача, многие известные одесские деятели воздали ему должное, называя гордостью Города... Когда для одесских музыкантов наступили тяжелые времена, Город, его преуспевающие предприниматели оказались неспособными поддержать тех, кто ублажал их слух добротной музыкой. Когда-то в Одессе слова «предприниматель» и «меценат» стояли обязательно рядом. К великому сожалению, сегодняшние нувориши этой «слабостью» не страдают. Многие великолепные одесские музыканты вынуждены были эмигрировать. Так оказался в Гамбурге и герой нашего очерка». Но будем справедливы: отъезд в Германию дал ему возможность прожить еще пятнадцать лет, хоть, честно говоря, для всегда моторного Аркадия это уже было

существование – не жизнь в его понимании. Впрочем, поначалу он еще не утратил свое остроумие. Посудите сами.

...Попав в гамбургскую больницу, Аркадий был приятно удивлен стерильной чистотой и оборудованием палаты, в которой оказался. Больше всего его обрадовало наличие телевизора и видеоманитона.

После проведенного обследования он выслушал через переводчика рекомендации врача и сразу же попытался включить телевизор, но услышал категорическое «nein!». Закрепленный за ним врач оказался большим занудой. Он монотонно объяснил пациенту, что по нынешнему состоянию здоровья тому нельзя смотреть телевизор, нельзя читать (это вконец расстроило нашего трубача), нельзя подниматься с кровати... Короче говоря – сплошное «nein!».

Стоит ли говорить, что с каждым часом прекрасная палата нравилась трубачу все меньше, а педантичный эскулап стал и вовсе ему ненавистен. Так продолжалось несколько дней, пока в палате не появился старший менеджер. Измученный пациент попросил его вмешаться в ситуацию.

– Как это так? – возбужденно говорил он. – Книжки – «nein!», телевизор – «nein!», даже видик – и тот «nein!»! Так же с ума сойти можно!..

Между старшим менеджером и лечащим врачом произошел короткий разговор. Выходя из палаты, старший бросил:

– Пусть смотрит одну кассету в день.

А что немца может заставить не выполнить приказ? Вот он, подавляя раздражение, и обращается к одесскому трубачу, ныне жителю Гамбурга:

– Ты какую кассету хочешь посмотреть? Но имей в виду – только одну.

– А мне и одной хватит. А посмотреть сегодня я хочу первую серию «Сталинградской битвы»...

Каждый год Астафьев приезжает в родную Одессу, но это уже далеко не тот Астафьев, которого любил и почитал одесский народ: он стал чрезмерно раздражительным, подозрительным, умудрился перессориться с людьми, которые проявляли заботу и чуткость, даже самого близкого своего друга, светлой памяти

Олега Золоева, который оказался терпеливее всех, умудрился обидеть! Да, скверная это штука – старость, умноженная на целый букет болячек...

Как бы там ни было, мой друг, с которым и я последние два года уже не общался, о чем сегодня искренне сожалею, как бы там ни было, всей своей предыдущей жизнью он не заслужил такой кончины, – в чужой стране, в приюте престарелых, с полной изоляцией от внешнего мира. Вскоре его не стало – то ли от болезни, то ли от невыносимой тоски. Повторюсь: он умер в полном одиночестве...

Хоть чуть-чуть сглаживает боль утраты то, что одесские музыканты, проживающие сегодня в США, Германии, Австралии (Ян Фридман, в первую очередь), а также Всемирный клуб одесситов исполнили последнюю волю знаменитого трубача: на собранные средства тело Аркадия кремировали в Гамбурге, и урну с прахом захоронили в могиле его мамы на Таировском кладбище Одессы. Справедливость восторжествовала – прах «Золотой трубы Одессы» покоится в одесской земле!..

